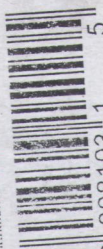

4893258

БИБЛИОТЕКА ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ

Л. АЛЬДРОВАНДИ МАРЕСКОТТИ
ДИПЛОМАТИЧЕСКАЯ
ВОЙНА

K.A. KARAZNE KLUCKY NATIONAL UNIVERSITY

0 008103 1

5

ОГИЗ-ГОСПОЛИТИЗДАТ 1944

152

ЛАДЬЕРОВАНИ
МАРЕСКОТИ

ЦНБ ХНУ
Дата повернення:

24 ФЕВ 2001

14 юл 2003

Wages 1911

9(003) 17, 013 Т 3(4/8)
М-25

Л. АЛЬДРОВАНДИ МАРЕСКОТТИ

ДИПЛОМАТИЧЕСКАЯ ВОЙНА

(1937 г.)

ВОСПОМИНАНИЯ
И
ОТРЫВКИ ИЗ ДНЕВНИКА
(1914 — 1919 гг.)

Перевод с итальянского
под редакцией и с вступительной
статьей Б. Е. ШТЕЙНА

85

9(003)

Русский перевод книги «Дипломатическая война»
Л. Альдрованди Марескотти сверен по итальянскому изданию
L. Aldrovandi Marescotti, Guerra Diplomatica, Milano 1937.

Редакционные примечания помещены в конце каждой
главы. Указатель имен дан в конце книги.

Перевод с итальянского сделан *М. А. Дояни.*

В составлении примечаний приняла участие *П. Е. Оси-
пова*; именной указатель составила *В. А. Александрова.*

ИТАЛИЯ В ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ *400 стр.*

Вступительная статья

I

Книга Альдрованди Марескотти посвящена в основном участию Италии в первой мировой войне и той системе мирных договоров (в частности Версальскому и Сен-Жерменскому), которые эту войну закончили.

Вопрос о позиции Италии во время первой мировой войны и судьба итальянских притязаний во время Парижской мирной конференции представляют интерес не только в связи с изучением первой мировой войны, но и в наши дни являются исключительно актуальными.

Итальянский империализм уже в начале XX века обнаружил свои алчные аппетиты, направленные на захват чужих территорий. В 1910—1911 гг. итальянские войска напали на Турцию и после сравнительно непродолжительной войны овладели Ливией — огромной колонией в Африке. Накануне первой мировой войны итальянский империализм стремился к овладению Албанией и в этом вопросе вступает в конфликт не только с Сербией, которой он препятствует получить выход к Адриатическому морю, но и с Австро-Венгрией, не желающей допустить Италию на Балканы. В войну 1914—1918 гг. Италия вступает, как известно, не сразу. Подобно шакалу, итальянский империализм наблюдает складывающееся между двумя борющимися лагерями соотношение сил, для того чтобы выступить на стороне вероятного победителя. В апреле 1915 г. Италия, до этого ведущая в течение нескольких месяцев переговоры с обеими воюющими коалициями, окончательно ставит ставку на победу держав Антанты, подписывает Лондонский договор и через три недели после этого выступает на ее стороне.

Война 1914—1918 гг. обнаружила исключительную слабость экономического и военного потенциала Италии. Именно этим обстоятельством и объясняется тот факт, что итальянский империализм на мирной конференции не получил удовлетворения своих претензий на приобретение ряда чужих территорий. Так называемое «обделение» Италии в Версале играло исключительную роль.

в демагогической пропаганде Муссолини в период подготовки к захвату власти. «Только фашизм, — утверждал он, — сможет дать внешней политике Италии подлинную независимость и добиться удовлетворения ее требований».

В лице Муссолини и созданной им фашистской партии итальянский империализм обрел застрельщика в деле осуществления своих наиболее необузданных и алчных вожделений на чужие территории. В течение 20 лет 8 месяцев и 27 дней пребывания у власти Муссолини пытался при помощи дипломатических комбинаций и военных авантюр (собственными силами, а затем и в союзе с Гитлером) осуществить выдвинутую итальянскими империалистическими группами и им программу возрождения Римской империи. Эта программа включала полное овладение Средиземным морем, которое в качестве «Итальянского моря» должно было стать центром «Римской империи». Европейское, африканское и азиатское побережья Средиземного моря должны были войти в состав фашистской империи. Французская колония Тунис, захваченная у Турции в 1910 г., Ливия, Египет, Англо-Египетский Судан, захваченная в 1936 г. Абиссиния, полученное после войны 1914—1918 гг. Итальянское Сомали, старая (с 1897 г.) итальянская колония Эритрея, Палестина, Сирия, остров Кипр, Малоазиатское побережье Турции (провинция Измир), острова Додеканеза (захваченные у Турции в 1910 г.), захваченная в 1939 г. Албания с расширением ее территории за счет Югославии и Греции (вплоть до границ с Болгарией), все Далматинское побережье Югославии, Хорватия, острова Мальта и Корсика, французское побережье Средиземного моря с городом Ниццей и, наконец, Французская Савойя — таковы, не считая собственно Италии, должны были быть размеры «Римской империи».

Наглость итальянского империализма и его агента Муссолини доходила до предъявления претензии на советские территории Крыма, юга Украины (Одесса) и Кавказа.

Война, в которую фашистская Италия вступила 10 июня 1940 г., должна была, по расчетам Муссолини, длиться «6 недель», после чего он вместе с Гитлером мог бы приступить к разделу добычи. Эти «6 недель» продлились, как известно, больше трех лет. Именно в этот промежуток времени с исключительной наглядностью обнаружилось полное несоответствие между слабостью экономического потенциала фашистской Италии и необузданно-алчной захватнической программой итальянского фашизма, застрельщика империалистических групп Италии. Это противоречие и несоответствие привели к двум следствиям, а именно: с одной стороны — к систематическому изменению соотношения сил внутри «оси Рим — Берлин» и постепенному превращению фашистской Италии в вассала гитлеровской Германии и, с другой стороны — к систематическим поражениям фашистской Италии в течение 1940—1943 гг. Итальянская армия была бита в Греции и Албании, в Афри-

ке, итальянские войска были разгромлены, уничтожены и взяты в плен Красной Армией на Советско-германском фронте, фашистская Италия потеряла Абиссинию, Эритрею, Сомали, Ливию, ближние острова и, наконец, Сицилию. Война не только обострила все противоречия фашистского режима, но и привела к его краху, который 25 июля 1943 г. был зафиксирован «отставкой» Муссолини и назначением правительства Бадольо.

Бадольо, который начал свою деятельность с заявления, что «война продолжается», оказался вынужденным принять условия безоговорочной капитуляции и прекратить военные действия, а в октябре 1943 г. Италия объявила войну Германии.

Перед свобододлюбивыми народами встанет вопрос о месте будущей Италии в системе послевоенного мира. С этой точки зрения изучение прошлого опыта и в частности истории Версальского договора в аспекте итальянской проблемы представляет несомненно актуальный интерес.

II

Книга Альдрованди Марескотти «Дипломатическая война» представляет собой дневник итальянского дипломата, охватывающий пятилетие первой мировой войны. Начинаются эти записи в момент объявления войны и заканчиваются в момент подписания Сен-Жерменского мирного договора.

«Дипломатическая война» Альдрованди принадлежит к категории мемуаров и воспоминаний, которые важны вовсе не потому, что авторы их представляют самостоятельный интерес в качестве политических или дипломатических деятелей. Личность автора и его роль в описываемых им событиях не только не выступают на первый план, но, наоборот, весьма часто вовсе ступеваются. В отличие от целого ряда мемуаристов Альдрованди далек от того, чтобы в какой бы то ни было степени преувеличивать свою действительную роль в тех событиях, в которых ему приходилось участвовать.

Первая мировая война застает Альдрованди на посту советника итальянского посольства в Вене. Накануне вступления Италии в войну на стороне держав Антанты Альдрованди получает назначение на пост начальника кабинета нового министра иностранных дел барона Соннино, бывшего, как известно, сторонником участия Италии в войне. Пост начальника кабинета министра иностранных дел Италии в то время был чрезвычайно ответственным. Начальник кабинета держал в своих руках все нити внешней политики, являясь связующим звеном между руководителем дипломатического ведомства и центральным и периферийным аппаратами министерства. Вся переписка с послами Италии за границей шла через начальника кабинета. Альдрованди, несомненно (хотя сам он об этом сообщает весьма скупо и неохотно), пользовавшийся полным доверием своего шефа. Можно полагать, что именно

в качестве доверенного лица Соннино Альдрованди участвовал в ряде конференций (как, например, междусоюзническая конференция в Петрограде в начале 1917 г. и др.). С момента капитуляции Германии Альдрованди принимает участие сначала в предварительных совещаниях союзников, а затем и официально на Парижской мирной конференции в качестве генерального секретаря и члена итальянской делегации.

Его дальнейшая карьера после Парижской мирной конференции не отличается от карьеры любого другого заурядного итальянского дипломата.

В течение нескольких лет Альдрованди является итальянским послом в Берлине. Уход с этого поста был связан для него с большими неприятностями. В посольстве пропадают шифры, как оказывается, украденные одним из сотрудников Альдрованди. Его имя упоминается и в связи с расследованием Лиги наций, предпринятым по вопросу о захвате Японией Манчжурии в 1931—1932 гг. Альдрованди назначается представителем Италии в комиссии лорда Литтона, отправленной в Манчжурию.

Впрочем, дипломатическая карьера Альдрованди вряд ли может нас интересовать. Дописав последнюю фразу своего дневника, Альдрованди уходит из нашего поля зрения, и перед нами остается только сделанная им запись событий. Только она нас и интересует.

В нашей литературе позиция и роль Италии как во время войны 1914—1918 гг., так и во время Парижской мирной конференции освещены более чем скупо. И в исследовательских работах, посвященных первой мировой войне и Версальскому миру, и в мемуарной литературе преимущественно освещаются позиции Франции, Англии, Германии и Соединенных штатов. Ни одна из работ итальянских участников Парижской мирной конференции и Версальского договора не переведена на русский язык. Воспоминания Орlando, книги Саландры, Соннино и др. на русском языке не известны. Исключение составляет только книжка Нитти «Европа без мира», сокращенный перевод которой был выпущен много лет тому назад и в настоящий момент уже полностью разошелся. Следует при этом заметить, что Нитти, давая критику Версальского договора, сам не являлся участником Парижской мирной конференции и поэтому как свидетель выступать не может.

Книга Альдрованди Марескотти заполняет имеющийся в нашей литературе пробел. Именно с этой точки зрения мы и рекомендуем ее советскому читателю.

Автор, разумеется, не является объективным летописцем, который описывает события, «добру и злу внимая равнодушно». Он описывает события как представитель своего класса и как итальянец.

Его итальянская точка зрения особенно рельефно и ярко отражается в дневнике, и именно это для нас ценно и интересно, —

не читал через
40 лет. С. Ш.

интересно потому, что в ряде случаев итальянскую версию того или иного события важно сравнить с версией французской, английской, американской и т. д. Именно путем такого сравнения советский исследователь сможет установить ряд фактов и положений, освещение которых до сих пор было затруднено ввиду отсутствия итальянских работ.

Дневник Альдрованди Марескотти появился на итальянском языке в 1935 г. Это обстоятельство тоже необходимо учесть. Сам автор пишет, что он с разрешения министерства иностранных дел пользовался архивами, дабы восстановить точность того или иного из описываемых им событий или обстоятельств. Это «восстановление точности» несомненно повлияло и на самые записи дневника. Ряд из них безусловно «исправлен» в угоду итальянско-фашистской точке зрения 1935 г., а не периода 1914—1919 гг. О многих событиях, несомненно записанных в дневнике, Альдрованди вовсе не говорит в своей книге. Некоторые из этих событий вообще как будто и не были записаны, другие же были записаны, но, повидимому, позднее изъятые и вместо них поставлены точки. К этой последней категории относится и «русский вопрос» на Парижской мирной конференции.

Альдрованди был свидетелем ряда разговоров на Парижской конференции—разговоров, которые представляют особый интерес. Характерно, однако, что все эти разговоры Альдрованди опускает, показывая, что делает это сознательно. Так, например, он записывает: «Приглашают Чайковского» (известного контрреволюционера, председателя так называемого «северного правительства»), далее идут точки, и советский читатель так и не узнает, о чем Ллойд Джордж, Вильсон, Клемансо и Орlando разговаривали с Чайковским. Так же поступает Альдрованди по вопросу о польско-украинских разногласиях, разбиравшихся на Парижской конференции или, вернее, в Совете четырех.

Дневник Альдрованди Марескотти, охватывая период с 1914 по 1919 г., не является систематической записью всех событий. Первая глава посвящена началу мировой войны и относится к периоду июль—ноябрь 1914 г.; вторая—переговорам о вступлении Италии в войну и относится к периоду февраль—апрель 1915 г.; третья посвящена междоусюзнической миссии в России в начале 1917 г. Следующие главы относятся к конференциям в Рапалло и Пескьере в ноябре 1917 г. (после поражения при Капоретто), и, наконец, последние охватывают период от поражения Германии осенью 1918 г. до подписания Сен-Жерменского договора с Австрией в 1919 г. (и включают подписание Версальского договора с Германией).

Каждую из этих глав необходимо анализировать отдельно, ибо в каждой из них имеются особые проблемы.

III

Начнем с главы, которую Альдрованди называет «Начало мировой войны». В этой главе самой интересной темой несомненно явился бы рассказ о подлинной политической обстановке, при которой Италия не вступила в войну на стороне держав Тройственного союза, а затем начала переговоры с державами Антанты о выступлении на их стороне. К сожалению, Альдрованди не очень много рассказывает по этому вопросу, а в том, что рассказывает, он многого не досказывает. Условия, при которых Италия отказалась выполнить договор о Тройственном союзе, в основном уже известны. Главный аргумент Италии заключался в том, что Австро-Венгрия и Германия не сообщили ей об ультиматуме Сербии. В своих записях Альдрованди не прибавляет к уже известным фактам и аргументам по данному вопросу ничего существенного. Он очень тщательно записывает самые мелкие факты, которые свидетельствуют о том, что ни Германия, ни Австро-Венгрия не информировали своего союзника Италию о предпринимаемых ими по отношению к Сербии шагах. Единственным новым документом по данному вопросу является разговор итальянского посла в Берлине Боллати с германским статс-секретарем иностранных дел Яговым. Этот разговор, имевший место 6 августа 1914 г., не оставляет сомнений в том, что Италия уже тогда использовала в качестве аргумента факт скрытия от нее ультиматума, посланного ими Сербии. Характерно, однако, что этот аргумент был выдвинут впервые после начала военных действий, а не в промежуток между предъявлением ультиматума Сербии и началом войны. Казалось бы, что Италия, уязвленная в качестве союзницы таким невыполнением обязательств договора со стороны Германии и Австро-Венгрии, должна была бы протестовать немедленно, между тем этого не произошло. Италия выжидала событий и как будто бы выжидала наступления таких событий, которые дали бы ей основание не выполнить союзный договор. Эта тактика Италии несомненно была разгадана в Вене и Берлине. Оба союзника не только не информировали Италию о своих намерениях, но, более того, тщательно скрывали их от Рима. Разве не характерно поведение того же Ягова—факт о котором рассказывает Альдрованди? 20 июля 1914 г. Боллати спросил у Ягова, сможет ли он отправиться дней на 20 на какой-нибудь курорт. На этот вопрос Ягов ответил Боллати вполне утвердительно, а это было 20 июля, т. е. в наиболее критический момент развития событий, за восемь дней до объявления Австрией войны Сербии и за три дня до вручения Сербии австро-венгерского ультиматума. Ни Вена, ни Берлин не доверяли Италии, не верили в возможность выступления ее на стороне Тройственного союза, и именно этим объясняется их тактика по отношению к своему формальному союзнику.

В главе «Начало мировой войны» заслуживают внимания страницы, посвященные борьбе между Австрией и Италией за преобладание в Албании. Оба союзника-противника вели непрерывную борьбу, прикрываясь дружбой и лояльностью по отношению друг к другу. Альдрованди приводит ряд фактов, ярко и красочно характеризующих австро-итальянское соперничество в Албании.

Значительно более интересной является вторая глава, посвященная переговорам о вступлении Италии в войну на стороне держав Антанты. Хотя сам Альдрованди назвал эту главу «Фиуме в Лондонском договоре», тем не менее глава эта значительно шире, нежели проблема о Фиуме. Большой интерес представляет сообщение Альдрованди о времени, которое можно считать началом переговоров между Италией и державами Антанты. В этом смысле Альдрованди устанавливает новый факт, а именно, что переговоры были начаты уже в августе 1914 г., т. е. немедленно после начала мировой войны. Интересно и другое обстоятельство. Вся итальянская программа требований в отношении держав Антанты была построена на предположении, что Австро-Венгрия и после войны останется существовать. Как записывает Альдрованди, «Саландре и в голову не приходила при заключении Лондонского договора (1915 г.) мысль о расчленении Австро-Венгрии». Этим в частности итальянская делегация позже, на Парижской мирной конференции, объясняла невключение в число своих требований Фиуме. Оставляя пока в стороне вопрос о том, почему Италия не включила Фиуме в число своих требований по Лондонскому договору, отметим, что сообщение Альдрованди о Саландре несомненно правильно. Не только Саландре в этот момент не приходила в голову мысль о полном исчезновении Австро-Венгрии.

Альдрованди сообщает не только интересный факт о начале переговоров с державами Антанты уже в августе 1914 г., но и не менее интересный факт о том, что переговоры с Австро-Венгрией велись еще 25 апреля 1915 г., т. е. буквально накануне подписания Лондонского договора. Последний, как известно, был подписан 26 апреля. Таким образом, Италия вела в течение всего периода от начала мировой войны и до подписания Лондонского договора переговоры с обеими воюющими коалициями, торгуясь с обеими и набивая себе цену. Следует отметить, что о переговорах с Австро-Венгрией и Германией, которые велись специальной миссией князя Бюлова в Риме, Альдрованди говорит весьма глухо, между тем содержание этих переговоров было ему более чем кому-либо другому хорошо известно. Начало переговоров застало его на посту советника в Вене, а конец — на посту начальника кабинета министра иностранных дел. Равным образом недостаточно полно рассказывает Альдрованди и о начальной стадии переговоров с державами Антанты. По ряду его замечаний можно считать, что первоначальные требования, выдвинутые Италией, были сравнительно умеренны и что затем они повышались по мере затяжки войны и

по мере того, как самое выступление Италии делалось все более и более необходимым для союзников. О том, насколько циничен был торг с обеими воюющими коалициями, говорит не только самый факт параллельных переговоров, но и ряд приводимых Альдрованди замечаний, характеризующих форму, в какой Италия вела переговоры. Настаивая на удовлетворении своих требований в отношении Далматинского побережья, Италия, как известно, натолкнулась на сопротивление России, не желавшей уступки Италии этих славянских областей. В ходе переговоров Англия и Франция оказывали давление на министра иностранных дел России Сазонова, принуждая его к последовательным уступкам в пользу Италии. По поводу одного из заявлений Сазонова Саландра, раздраженный его неуступчивостью, заявил, что подобная позиция «вынудила бы нас выступить не против, а на стороне Австрии». Таким образом, Италия, добиваясь осуществления программы своих империалистических требований, готова была пойти с любой стороной, которая ей в этом помогла бы. Благодаря тупости и недалекости австрийских политиков Бюлову не удалось купить Италию. Задача эта объективно была вполне выполнима, и сам Бюлов прекрасно это понимал.

Свидетели, подобные Альдрованди, являются особенно ценными, поскольку они рассеивают туман официальной фразеологии, предназначенной для одурачения масс. Одна фраза, приводимая автором дневника и принадлежавшая Саландре, о возможности направить оружие не против Австрии, а вместе с Австрией, достаточна для того, чтобы опровергнуть всю крикливую фразеологию итальянской буржуазии, объявившей в 1915 г. войну за «освобождение итальянского народа от ига Австрии».

Третья глава, посвященная междусоюзнической конференции в Петрограде в начале 1917 г., т. е. в самый канун Февральской революции, является чрезвычайно любопытной как отражение взглядов и мнений союзников о царской России. Альдрованди записывает ряд моментов, представляющих штрихи довольно колоритной картины того периода. Любопытна оценка положения английским послом Бьюкененом, считавшимся знатоком России. Буквально за несколько дней до Февральской революции он заявил о том, что «народ и царь единодушны в своем отношении к войне не в пример людям, которые должны ее вести». Характерно, кстати, что это высказывание Бьюкенена по существу не расходится с интервью, которое дал Г. Думерг, возглавлявший французскую делегацию на Петроградской конференции. Интервью было напечатано в «Matin» от 12 марта 1917 г., т. е. в самый момент Февральской революции. Вот что говорил Думерг: «Я вынес из своего путешествия великолепное впечатление. Из всех бесед, которые я вел, из всего того, что я видел, явствует, что там царит единодушное желание продолжать войну до полной победы». Как английский, так и французский дипломаты не понимали, что

народ и армия не хотят продолжения войны, стремятся ее прекратить. Если можно думать, что интервью Думерга было предназначено для обмана французского общественного мнения относительно действительного положения вещей в России, то приводимое высказывание Бьюкенена было сделано им в узком дипломатическом кругу и не подлежало опубликованию.

Гораздо более «практическим» является мнение другого дипломата—итальянского посла Карлотти, который говорил о России, как о «компрессорном вале». Этот вал, по мнению Карлотти, должен был покончить с Германией, чего не в состоянии были сделать союзные армии.

Если положение России внутри Антанты в этот момент было далеко не блестящим, то не весьма завидным было также и положение Италии. Альдрованди откровенно приводит свою беседу о Карлотти, в которой «был затронут вопрос о том, что Италия занимает в Антанте слабое и изолированное положение». Эта запись отвечает действительности. При этом нужно иметь в виду, что такая грустная констатация слабости Италии была сделана в начале 1917 г., т. е. еще до разгрома итальянцев при Капоретто, который имел место осенью 1917 г. Если до Капоретто Англия и Франция весьма мало считались со своей союзницей, то после Капоретто они начали ее откровенно третировать.

Альдрованди приводит несколько примеров, иллюстрирующих слабое и изолированное положение Италии внутри Антанты. В частности он констатирует, что долгое время итальянцы ничего не знали о франко-английском договоре (Сайкс-Пико), который был заключен в 1916 г., т. е. через год после вступления Италии в войну. Договор Сайкс-Пико и последовавший за ним обмен нотами Камбона-Грея представляли собой соглашение о будущем разделе Малой Азии и в частности разделе ее нефтяных богатств. На самой конференции в Петрограде, или, вернее, во время этой конференции, произошло событие, которое еще раз подтвердило, насколько мало ее союзники считались с Италией. В одной из записей Альдрованди в этот период можно найти сообщение о том, что французский посол в России Палеолог, «державший себя за последние дни крайне сдержанно, почти холодно со мной и с итальянской миссией, сейчас очень сердечен, любезен, улыбается. Имеет удовлетворенный и довольный вид». Позже, в момент издания своего дневника, Альдрованди сделал примечание, в котором он говорит, что перемена настроения французского посла объяснялась тем, что ему и специально уполномоченному Франции первому делегату на Петроградской конференции Гастону Думергу удалось получить от русского правительства формальное заявление о поддержке французских требований об образовании «независимого» прирейнского государства (на левом берегу Рейна). Это обещание было получено в обмен на согласие Франции поддержать русское требование на Константи-

нополь и проливы. Русско-французское соглашение было сохранено в тайне как от англичан, так и от итальянцев.

После Петроградской конференции Альдрованди составляет докладную записку для Соннино, причем пишет о своих впечатлениях как по вопросу о самой конференции, так и по вопросу о «переговорах о Малой Азии». Как уже указывалось выше, речь шла о разделе между союзниками Малой Азии—разделе, который вначале был скрыт от Италии. В тексте книги Альдрованди приводит лишь ту часть своей докладной записки, где он говорит только относительно самой конференции. Что же касается «переговоров о Малой Азии», то он не только их не приводит, но и вообще не говорит об этом в своей книге ни слова.

Англо-французское соглашение о разделе малоазийских владений Турции было заключено в мае 1916 г. в виде обмена нотами между французским послом в Лондоне Полем Камбоном (нота от 9 мая) и статс-секретарем по иностранным делам Великобритании Эдуардом Греем (нота от 16 мая). Это соглашение состоялось на основе протокола о разделе турецких территорий, который до этого был составлен двумя экспертами: английским—Марком Сайксом и французским—Жоржем Пико. Об этом соглашении, заключенном Англией и Францией через год после вступления Италии в войну и, следовательно, через год после Лондонского договора от 26 апреля 1915 г., итальянское правительство абсолютно ничего не знало. Оно не только не было привлечено к обсуждению столь важного для него вопроса, но и, повторяем, не было поставлено в известность ни о переговорах, ни о самом соглашении. Между тем в Лондонском договоре, о котором мы уже упоминали, статья 9 гласила в частности следующее: «Франция, Великобритания и Россия вообще признают, что Италия заинтересована в сохранении равновесия на Средиземном море и что в случае полного или частичного раздела Азиатской Турции она (Италия) должна будет получить равноценную часть в средиземноморских областях, смежных с провинцией Адалией, где Италия уже приобрела права и интересы, которые послужили предметом итало-британского соглашения. Зона, которая будет эвентуально предоставлена Италии, будет в свое время разграничена, причем будут учтены существующие интересы Франции и Великобритании. Интересы Италии будут равным образом приняты во внимание в том случае, если территориальная неприкосновенность Турецкой империи будет сохранена и если будут сделаны изменения в зонах интересов держав. Если Франция, Великобритания и Россия заняли бы во время войны территории Азиатской Турции, то область, смежная с провинцией Адалией в зоне Средиземного моря и в пределах, указанных выше, будет предоставлена Италии, которая получит право занять ее».

Цитированная статья Лондонского договора не оставляет сомнений в том, что союзники обязались учитывать интересы

Италии и считаться с ними при любом дележе в Малой Азии.

Англо-французское соглашение о разделе Малой Азии 9—16 мая 1916 г. сделалось возможным лишь после того, как сначала Франция, а затем Великобритания согласились на удовлетворение притязаний русского правительства в Малой Азии. Последние были изложены в памятной записке Сазонова (министра иностранных дел) на имя французского посла в Петрограде Палеолога от 26 апреля 1916 г. Требования царского правительства заключали в себе следующие пункты: Россия должна была получить области Эрзерума, Трапезунда, Вана и Битлиса до одного из пунктов на Черном море к западу от Трапезунда. Равным образом к России должна была отойти область Курдистана к югу от Вана и Битлиса, между Мушем, Сертом, течением Тигра, Дзержири и Омаром и линией горных вершин, господствующих над Омадией и областью Мергивера. Только под этими условиями русское правительство готово было признать англо-французское соглашение о разделе Малой Азии, предварительный проект которого ему был представлен. Союзники с этими требованиями согласились, и, таким образом, раздел Малой Азии сделался предметом тройственного англо-франко-русского соглашения. Четвертый же союзник—Италия узнала о состоявшемся без ее ведома и участия соглашении лишь осенью 1916 г.

19 ноября 1916 г. итальянский посол в Петрограде Карлотти передал министру иностранных дел России Штюмеру памятную записку, в которой были сформулированы итальянские требования, при удовлетворении которых правительство Италии готово было признать и присоединиться к англо-франко-русскому соглашению о разделе Малой Азии. Предъявляя эти требования, итальянское правительство выражало удивление по поводу того, что союзники поступили с ним «против всякого его ожидания», и требовало полного равенства Италии в вопросах о дележе Малой Азии. Начались длительные переговоры между Римом, Парижем, Лондоном и Петроградом. 29 января 1917 г. в Лондоне состоялось совещание представителей четырех держав. На этом совещании английский министр иностранных дел Бальфур высказался против удовлетворения итальянских требований, касающихся Смирны. Итальянский посол Империади категорически заявил об отказе обсуждать другие вопросы, если этот пункт итальянских требований не будет удовлетворен. То, что предлагали Италии в качестве компенсации за присоединение к англо-франко-русскому соглашению, ее не устраивало. Совещание фактически пришлось прервать. В марте 1917 г. итальянский министр иностранных дел барон Соннино заявил русскому послу в Риме Гирсу, что он решил в случае нападок на него в парламенте по малоазиатскому вопросу чистосердечно сознаться, что он действительно виноват перед страной, и подать в отставку.

А виноват он был в том, что поверил лорду Грею, заверившему его, что 30 дня подписания Лондонского соглашения Италия станет равноправной союзницей во всех переговорах. Между тем после соглашения состоялся малоазиатский дележ, происходивший без участия Италии и в течение многих месяцев тщательно от нее скрывавшийся. Теперь же Италии предлагают территорию, не имеющую ни одного важного порта.

Переговоры между четырьмя правительствами привели к тому, что 19—21 апреля 1917 г. в Сен-Жан-де-Мориен состоялась новая встреча союзников для окончательного разрешения вопроса о разделе Малой Азии. В этом совещании приняли участие Ллойд Джордж, Соннино и Рибо. Представитель России, где только что произошла Февральская революция, отсутствовал. На конференции в Сен-Жан-де-Мориен были удовлетворены итальянские требования на город и округ Смирну, санджаки Ментеше, Адалию и Ичили, а равно часть Конии. Кроме того, помимо английской и французской зон специальных интересов была признана также и итальянская зона интересов.

Союзники в общем пошли на удовлетворение требований Италии. Россия в этот момент делалась все менее и менее надежным союзником. Вот почему понадобилось более внимательное отношение к Италии. Русское Временное правительство в тот момент даже официально не было поставлено в известность о состоявшемся решении конференции в Сен-Жан-де-Мориен.

Итальянское правительство могло считать себя удовлетворенным и рассчитывать на получение сполна по векселю, который был выдан ему англичанами и французами в Сен-Жан-де-Мориен. Парижская мирная конференция жестоко его разочаровала в этом вопросе. Об этом мы будем говорить ниже. Сейчас отметим другое обстоятельство. Мы уже указывали на то, что Альдрованди глухо отмечает в своем дневнике о «переговорах о Малой Азии». Между тем эти переговоры имели место во время пребывания Шалойя в Петрограде на междусоюзнической конференции, о которой подробно рассказывает автор записок. Равным образом в последующих записках Альдрованди почти совершенно отсутствует упоминание о конференции в Сен-Жан-де-Мориен, между тем решения, принятые там, были весьма важны для последующего обсуждения итальянских требований во время Парижской мирной конференции. Альдрованди, бывший в это время начальником кабинета барона Соннино, конечно, прекрасно был осведомлен обо всем том, что происходило в Сен-Жан-де-Мориен, тем не менее он сохраняет абсолютное молчание об этом и лишь в отдельных местах слегка ссылается на эту конференцию. Действительно ли в записках Альдрованди отсутствует эта конференция, или же он позднее, при издании своей книги, изъясил эти записи, — нам судить трудно. Не следует забывать, что книга Альдрованди появилась в 1935 г. Возможно, что в силу тех или иных политиче-

ских соображений решено было умолчать об этой главе междусоюзнических отношений.

На Петроградской конференции обсуждался в частности и вопрос о создании междусоюзнического политического органа для руководства войной. Подготовка и создание этой организации потребовали много времени и больших усилий со стороны союзников. Что касается Высшего военного совета, то впервые союзники приступили к обсуждению этой проблемы на конференции в Рапалло в ноябре 1917 г., после поражения при Капоретто. Характерно, что, рассказывая о прениях на Петроградской конференции по вопросу о междусоюзническом политическом органе, Альдрованди записывает: «В решении этого вопроса в значительной степени заинтересована Италия, которой необходимо завоевать среди союзников более видное, чем в настоящее время, положение». К этой мысли Альдрованди возвращается еще раз в своем докладе на имя Соннино.

Заслуживает внимания упоминание Альдрованди, касающееся обсуждения на Петроградской конференции вопроса об интенсификации участия Японии в мировой войне. Япония, добившись непосредственно интересовавших ее объектов (Киао-Чао), фактически прекратила свое участие в войне. На конференции французский уполномоченный генерал Кастельно поставил вопрос о желательности привлечь Японию к более активной помощи союзникам. На это предложение Кастельно ответил отрицательно Сазонов, который сослался на то, что Япония была запрошена уже 18 месяцев тому назад и что на это последовал категорический отказ. Далее, по словам Альдрованди, «Сазонов замечает, что японцы не хотят, чтобы их подозревали в корыстолюбии... Впрочем, участие Японии привело бы к постановке вопроса о компенсации». Сазонов явно не хотел усиления участия Японии в войне, опасаясь, что предоставление компенсаций затронет в первую очередь интересы России.

Нужно иметь, далее, в виду, что Альдрованди, делая эти записи, не знал нового обстоятельства, которое стало известным только примерно через год после конференции в Петрограде — благодаря публикации Советским правительством тайных договоров царского и Временного правительств. В частности было опубликовано секретное соглашение между Россией и Японией от 3 июля 1916 г., подписанное Сазоновым и Мотоно. Оно ставило своей задачей охранение Китая от политического господства какой бы то ни было третьей державы и в случае чьего бы то ни было посягательства на Китай обязывало договаривающиеся стороны к совместному вооруженному выступлению. При этом стороны обязывались не заключать сепаратного мира с общим врагом.

Русско-японское секретное соглашение объясняет дополнительные мотивы, в силу которых Сазонов выступал на Петроград-

ской конференции против предложения об усилении японского участия в войне. Соглашение 1916 г. устанавливало сохранение status quo в Китае и, кстати сказать, уже включало в себя знаменитые 21 требование, предъявленные Японией Китаю в 1915 г. Царское правительство шло на то, чтобы вместе с Японией охранять этот status quo против своих собственных союзников — Англии и Соединенных Штатов, но оно в то же время было решительно против того, чтобы это соглашение было нарушено самой Японией. Между тем усиление японского участия в войне, или, вернее, просто ее участие, поскольку в этот момент оно равнялось нулю, повело бы к изменению действовавшего положения в Китае.

Четвертая глава книги Альдрованди посвящена совещанию в Рапалло и Пескьере 6—8 ноября 1917 г. Оба эти совещания происходили после битвы при Капоретто. Австро-германские войска прорвали итальянский фронт у Капоретто и разгромили II итальянскую армию. Попытки генерала Кадорна закрыть прорыв ни к чему не привели, и он вынужден был дать приказ об общем отступлении, которое превратилось в бегство. За 16 дней итальянская армия отступила на 70 миль и потеряла до 600 тыс. человек убитыми, ранеными, взятыми в плен и пропавшими без вести. В руки Австро-Германии попало 3 152 орудия. Катастрофа при Капоретто не только потрясла Италию, но и поставила союзников в чрезвычайно тяжелое положение. Над ними нависала угроза полного выхода Италии из войны. Для предотвращения этой угрозы были приняты срочные меры. Англия и Франция послали в Италию значительное количество войск и артиллерии.

Альдрованди в своих записках всячески пытается скрыть истинные размеры катастрофы при Капоретто, между тем имеются другие свидетели, показания которых не могут быть оставлены в стороне. Ллойд Джордж, поспешивший в Италию немедленно после битвы при Капоретто (конец октября) для выяснения положения на месте, пишет в своих мемуарах: «Прибыв в Италию, я ознакомился с рапортами английских офицеров. Целые дивизии рассыпались на блуждающие атомы, гонимые бурей по равнинам Ломбардии. Сколько дивизий было уничтожено и сколько пережило эту катастрофу, какие это были дивизии? В том и другом случае никто не мог сказать с точностью и с уверенностью. Некоторые дивизии без артиллерии и обоза еле сохраняли связь между собой. Какие дивизии, кто мог сказать это? Во всяком случае не итальянский генеральный штаб».

В другом месте Ллойд Джордж пишет: «Когда я в начале ноября прибыл в Италию, я нашел солдат без ружей, они бежали сотни миль с поля сражения».

История первой мировой войны не знает катастрофы, равной разгрому итальянской армии при Капоретто.

Обо всем этом Альдрованди пишет в весьма смягченных тонах, пытаясь всячески преуменьшить размеры итальянского поражения, а между тем, если до Капоретто Альдрованди в качестве неплохого наблюдателя пришел к заключению, что место Италии в Антанте далеко не является равноправным, то именно после Капоретто это неравноправие сделалось еще более разительным. Альдрованди приходится в своих записях отмечать тот язык, которым союзники — англичане и французы — разговаривали с итальянцами на совещании в Рапалло и Пескьере. Итальянское правительство и военное командование поставили перед союзниками вопрос о немедленной помощи. Без этой помощи Италия не могла бы оказать сопротивления австро-германским войскам и стояла перед угрозой полного разгрома и эвентуального выхода из войны. Ллойд Джордж прежде всего потребовал смены итальянского командования, причем поставил это требование в качестве условия оказания военной помощи. Помощь, о которой просит итальянское правительство, «будет зависеть от доверия, которое мы питаем к верховному командованию. Если генералы Кадорна и Порро с их генеральным штабом останутся, мы не сможем питать доверия. Мы должны будем в этом случае опасаться, что итальянские войска на правом или левом фланге наших дивизий могут поставить нас в затруднительное положение».

Ллойд Джордж несколько раз и открыто заявляет о том, что генералы Кадорна и Порро должны быть смещены. Попытки итальянского премьер-министра Орландо спасти честь мундира путем заявления, что этот вопрос будет обсужден во внутреннем порядке и что без согласия короля (который являлся верховным главнокомандующим армии) оба генерала не могут быть смещены, не приводят к требуемым результатам. Ллойд Джордж отказывается обсуждать вопрос о помощи до получения ясного и точного ответа относительно итальянского командования. Он вынуждает Орландо в конце концов немедленно послать генерала Альфиери для доклада королю и получения согласия на смену Кадорны. Ллойд Джордж и этим не удовлетворяется. Он требует, чтобы Орландо сделал такое же заявление не только о генерале Кадорна, но и о его помощнике — генерале Порро. Ллойд Джордж не отказывает себе в удовольствии в присутствии всей конференции допросить генерала Порро о военном положении и рядом вопросов поставить его в неудобное положение.

Уже позднее, а именно в 1935 г., в момент выхода книги, Альдрованди в своем предисловии отмечает: «Во время войны и в продолжение мирных переговоров возникали и получили распространение новые легенды, задевавшие достоинство Италии. Достаточно упомянуть слухи о будто бы состоявшемся по требованию иностранцев в Рапалло замещении генерала Кадорны, хотя из официальных заявлений Орландо и Соннино явствует, что реше-

ние о замене Кадорны было принято на заседании совета министров, состоявшемся в Риме еще до того, как Орландо и Соннино встретились с союзниками в Рапалло».

Это позднейшее заявление Альдрованди явно противоречит его же записям в дневнике, относящимся к совещанию в Рапалло. Нет сомнений в том, что уже накануне этого совещания совет министров в Риме обсуждал вопрос о непригодности итальянского верховного командования. Ясно также и то, что ни Орландо, ни Соннино не заявили об этом союзникам на совещании. Инициатива в вопросе о замене Кадорны принадлежала не итальянцам, а Ллойд Джорджу. Более того, после выступления Ллойд Джорджа Орландо далеко не сразу согласился на немедленную замену Кадорны и лишь после повторного и категорического заявления Ллойд Джорджа он, как указывалось выше, выразил согласие послать генерала Альфьери к королю для получения утверждения смены командования. Таким образом, последующая попытка Альдрованди «исправить» изложение событий не приводит к желательным результатам. Его дневник более объективный документ, чем предисловие 1935 г.

При обсуждении вопроса о необходимом количестве англо-французских дивизий происходит спор между итальянцами, с одной стороны, и англичанами и французами—с другой. Итальянцы, напуганные размерами катастрофы при Капоретто, настаивают на присылке 16 союзных дивизий, в то время как союзники хотят ограничить свою помощь лишь восемью дивизиями. Ни английское, ни французское правительства не уверены в успешном ходе дальнейших событий в Италии и не хотят сразу рисковать снятием 16 дивизий с западного фронта и переброской их в Италию. Положение итальянских представителей на конференции в Рапалло было более чем тяжелым. С одной стороны, они всячески стремились преуменьшить характер катастрофы при Капоретто, исходя из соображений национального престижа и неустойчивого положения Италии внутри Антанты, с другой стороны, они, зная действительное положение вещей и действительные размеры катастрофы, должны были настаивать на необходимости ввода в Италию большого количества дивизий.

Поражение при Капоретто, бездарность итальянского верховного командования, необходимость посылки в Италию большого количества союзных войск и, следовательно, вопрос о том, кому эти войска будут подчинены, ускорили прохождение проекта о создании междусоюзнического правительственного совета и военного комитета при нем. Этот вопрос, который, как мы видели выше, отчасти обсуждался уже на Петроградской конференции в феврале 1917 г., был разрешен только в Рапалло в ноябре 1917 г.

Альдрованди очень тщательно и точно записывает прения, развернувшиеся вокруг вопроса о создании междусоюзнического органа. Весьма интересным моментом в этой дискуссии был вопрос

об участии России в междусоюзническом совете. Дискуссия происходила 6, 7 и 8 ноября, т. е. как раз в момент Великой Октябрьской социалистической революции. Участники конференции в Рапалло еще о ней не знали, и поэтому речь шла о «правительстве Керенского». Этому правительству союзники накануне Октябрьской революции явно не доверяли. Французский делегат Франклен-Буйон держался в этом вопросе довольно пассивной позиции. Дискуссия происходила в основном между итальянскими делегатами и Ллойд Джорджем. Соннино прямо поставил вопрос о невозможности допустить Россию к участию в междусоюзническом совете. «Можем ли мы при нынешних обстоятельствах, — говорил Соннино, — довериться русскому правительству? Керенский дает опасные интервью, и так же поступает русский военный министр... Можем ли мы вырабатывать военные планы в присутствии, например, делегата от Совета?» Соннино имел в виду посылку тогдашним ВЦИК (меньшевистско-эсеровским) делегатов за границу.

Ллойд Джордж, отвечая Соннино, высказал опасения относительно возможного исключения России из междусоюзнического совета: «Было бы опасно учреждать междусоюзнический орган без участия России, — сказал он. — Необходимо действовать с большим тактом, приведя какой-либо мотив, полностью нас оправдывающий».

С этой целью Ллойд Джордж предложил хитроумную редакцию статьи 1, где говорилось о том, что Совет учреждается в связи с создавшимся на западном фронте положением. Немедленно последовала реплика итальянцев о том, что не следует давать понять, что Совет создается в связи с создавшимся положением в Италии. Этой репликой воспользовался Ллойд Джордж: «Видите, как чувствительны итальянцы? Русские не менее чувствительны. Вы полагаете, что они не знают о том, как мы им не доверяем? Керенский скажет: здесь мы имеем дело с федерацией, в которой отсутствует Россия. Мы должны действовать, не закрывая дверей. Если же русские потребуют вхождения в Совет, мы можем отговориться ссылкой на положение, занимаемое лицами, которых мы назначили представлять наши нации в Совете. Русские — великий народ, они могут еще изменить направление политики своей страны» и т. д.

Ллойд Джордж прекрасно понимал всю важность для союзников участия России в войне и не терял надежды на то, что удастся заставить правительство Керенского более активно принимать участие в военных операциях. Вот почему он настаивал на такой формулировке, которая могла бы оставить двери открытыми для России. По его настоянию именно эта формулировка и была принята. Высший военный совет в составе премьер-министра и одного из членов правительства каждой из держав создавался «в целях лучшей координации военных действий на западном фронте».

причем далее было сказано, что «распространение целей Совета на другие фронты оставляется для обсуждения с другими великими державами». Таким образом, для Ллойда Джорджа была создана «возможность отговориться», в случае если бы правительство Керенского предъявило свои претензии на участие в междусоюзническом совете. Эта предусмотрительность оказалась излишней. Не успели еще высохнуть чернила, которыми была написана эта формулировка, как правительство Керенского перестало вообще существовать.

В записях Альдрованди накануне конференции в Рапалло имеется чрезвычайно интересная ссылка на мирные предложения, сделанные в этот момент австрийским императором Карлом через посредство брата своей жены—принца Сикста Бурбонского. Этому вопросу следует уделить особое внимание.

Уже в 1916 г. обе воевавшие коалиции искали путей к соглашению и компромиссному миру. В задачу настоящей статьи, естественно, не входит исследование всех тех тайных переговоров, которые велись в различных направлениях в целях прекращения войны. Нам важно здесь отметить лишь, что эти переговоры со стороны почти каждой из участниц войны преследовали цель достижения мира за счет других, притом весьма часто своих союзников. Австро-Венгрия пыталась заключить сепаратный мир вопреки Германии и жертвуя германскими интересами (если бы ей удалось заключить такой мир) во имя спасения собственных интересов. Франция и Англия готовы были поступиться интересами Италии и России и т. д. Такие поиски мира за счет других требовали, естественно, соблюдения величайшей тайны и секретности переговоров. Оставляя в стороне попытки компромиссного соглашения, имевшие место уже в 1916 г., приведем в качестве примера переговоры весной и летом 1917 г. между Францией и Англией, с одной стороны, и Австро-Венгрией—с другой. Именно об этих переговорах упоминает Альдрованди. В его дневнике имеется запись от 25 сентября о том, что Соннино советовал королю отложить свою поездку во Францию с ответным визитом Пуанкаре: «Соннино боялся, что Ллойд Джордж захочет воспользоваться этой поездкой для устройства встречи между итальянским королем, королем Георгом и Пуанкаре с целью нового рассмотрения мирных предложений, сделанных Австро-Венгрией через посредство принца Сикста». Далее Альдрованди отмечает, что Соннино «продолжает сохранять абсолютно отрицательную позицию в этом вопросе, занятую им еще в Сен-Жан-де-Мориен, когда ему об этом было впервые сообщено».

К приведенной записи дневника Альдрованди делает большое примечание, в котором он полемизирует с Ллойдом Джорджем по поводу его некоторых замечаний, изданных в четвертом томе «Военных мемуаров». Ввиду того что «Военные мемуары» Ллойда Джорджа вышли лишь в 1933 г., совершенно ясно, что Примеча-

ние Альдрованди было сделано не в момент писания дневника, а значительно позже. Однако в этом примечании Альдрованди приводит документ, который, по его словам, был составлен в то же время, когда писался дневник. Этот документ представляет собой запись разговора между Соннино и французским премьер-министром Рибо от 24 июля 1917 г. По словам Альдрованди, Соннино, составив этот документ в сентябре 1917 г., передал его автору дневника в виде черновика, которому «пока не должно было быть дано никакого дальнейшего хода». Этот документ Соннино проливает дополнительный свет на историю попыток австро-венгерского императора Карла, предпринимавшихся при помощи принца Сикста Бурбонского, добиться сепаратного мира с Антантой. Об этом и рассказывает весьма подробно Ллойд Джордж в четвертом томе своих «Военных мемуаров». Принц Сикст—брат жены Карла, императрицы Циты, и одновременно офицер бельгийской армии (он считал себя французом, но не мог поступить во французскую армию только из-за своего бурбонского происхождения)—с начала 1917 г. являлся деятельным агентом императора Карла по заключению мирного договора. Он несколько раз тайно ездил в Вену, возвращался обратно и имел секретные свидания с Пуанкаре, Ллойд Джорджем, королем Георгом и всячески добивался сближения между Австро-Венгрией, с одной стороны, и Англией и Францией—с другой. Характерная особенность условий мира, которые предлагал император Карл, заключалась в том, что этот мир не давал никаких выгод Италии и, таким образом, должен был быть заключен за ее счет. Мир предполагался сепаратный, т. е. заключала его одна Австро-Венгрия, без Германии. Таким образом, Карл предавал Германию и позволял союзникам обрушиться на нее всей своей силой.

Но если Австро-Венгрия действовала втайне от Германии (причем император Карл умолял французов и англичан сохранить эту тайну, ибо, как пишет Ллойд Джордж, «у Карла будут все основания опасаться даже за собственную жизнь»), то, с другой стороны, Англия и Франция вели переговоры с Карлом (через посредство Сикста Бурбонского) втайне от своего союзника—Италии. Вплоть до конференции трех премьеров в Сен-Жан-де-Мориен, состоявшейся 19 апреля 1917 г., ни Ллойд Джордж, ни Рибо не ставили итальянское правительство в известность о переговорах, которые они вели в продолжение уже почти трех месяцев с Карлом. На самой конференции, встретившись с Соннино, оба союзника ознакомили его с данным вопросом. Однако, и это чрезвычайно интересно, Соннино отнюдь не сразу был поставлен в известность ни о переговорах, которые они вели с Сикстом Бурбонским, ни о тех конкретных предложениях, которые император Карл им сделал. В мемуарах Ллойд Джорджа, относящихся к конференции в Сен-Жан-де-Мориен, записано следующее: «Когда мы с этим покончили (греческая проблема), начались

разговоры о перспективах заключения мира с Австрией уже в ближайшее время. Эти *предположения* основывались на *слухах* из разных источников о том, что Австрия *намерена предпринять* какие-то шаги в этом направлении» (подчеркнуто мною.—Б. Ш.). Далее Ллойд Джордж рассказывает, что Соннино решительно высказался против сепаратного мира с Австро-Венгрией, после чего конференция приняла следующую формулу: «Ллойд Джордж, г. Рибо и барон Соннино обсуждали вопрос о возможных выступлениях Австрии с предложением о сепаратном мире с одной или несколькими союзными державами. Они пришли к заключению, что несвоевременно вступать в переговоры, которые в нынешних обстоятельствах были бы очень опасны и поставили бы под угрозу тесное единение союзников, необходимое нам сейчас больше, чем когда-либо». Таким образом, следует констатировать, что Ллойд Джордж и Рибо на конференции в Сен-Жан-де-Мориен не рассказали Соннино о конкретных предложениях, сделанных Австро-Венгрией. Ллойд Джордж далее замечает: «Может быть мы достигли бы большего, если бы открыли барону Соннино нашу тайну. Я в этом сомневаюсь, чтение письма императора Карла, в котором об Италии даже нет упоминания, привело бы его в бешенство».

Если, таким образом, союзники Италии вели переговоры с Австро-Венгрией о возможности заключения сепаратного мира, и притом за счет Италии, то и последняя несомненно предпринимала кое-какие попытки в направлении достижения мира. Эти попытки еще недостаточно освещены в литературе. Сам Альдрованди, и притом не в дневнике, а в предисловии 1935 г., с негодованием пишет о «ложных обвинениях», которые были распространены по адресу Италии. «Я имею в виду слухи,—пишет Альдрованди,—будто Италия в 1917 г. пыталась заключить сепаратный мир с Австро-Венгрией, как это утверждал в своем письме принцу Сиксту император Карл». Альдрованди ограничивается лишь этим жестом негодования.

На Парижскую мирную конференцию Италия явилась с двумя документами, в которых были сформулированы ее «права». Одним из этих документов был Лондонский договор от 26 апреля 1915 г., а вторым—обмен нотами между Римом, Лондоном и Парижем в августе 1917 г., в которых были зафиксированы условия, достигнутые на конференции в Сен-Жан-де-Мориен. Нужно отметить, что после протеста Временного правительства, которое не было поставлено в известность о соглашении в Сен-Жан-де-Мориен, упомянутые августовские ноты были все же доведены до сведения Временного правительства. Последнему было даже предложено дать свой «отзыв» по поводу этих нот. Этого отзыва так и не последовало.

Но Италия пришла в Версаль не только с этими документами. Она явилась туда после разгрома итальянской армии при Капо-

ретто. Этот разгром едва не вызвал выхода Италии из войны и капитуляции перед австро-германским блоком. Победители в Версале решали вопрос о добыче пропорционально силе каждого из них, а в момент генерального дележа Италия была слаба как в военном отношении, так и в отношении своей экономики, финансов и внутренней организации. По существу она была разбитой страной. Парижская мирная конференция с ней соответственно и поступила. По Версальскому договору Италия почти ничего не получила.

Шестая и седьмая главы книги Альдрованди, озаглавленные «Неделя борьбы за Адриатику» и «Мир с Австрией», представляют собою исключительно интересное описание воистину драматической борьбы, которую вела итальянская дипломатия на Парижской мирной конференции за удовлетворение требований Италии. Коренная тактическая ошибка итальянской дипломатии заключалась, во-первых, в том, что она предъявляла требования, не только соответствовавшие обещаниям союзников, данным в начале войны, но и выходившие за пределы этих обещаний (например, вопрос о Фиуме). Во-вторых, ее ошибка заключалась в том, что, предъявляя свои требования, она совершенно не обнаруживала способности маневрирования и учета противоречий, которые имелись внутри лагеря союзников. Эти ошибки и повели к тому, что Италия в результате Парижской мирной конференции оказалась «обделенной».

Тезис относительно «обделения» Италии на Парижской мирной конференции настойчиво пропагандировался в Италии с момента окончания самой мирной конференции вплоть до выступления Италии во второй мировой войне против Англии и Франции.

IV

С того момента, как фашистская Италия предъявила свои требования по адресу Франции (осень 1938 г.), итальянская официальная и официозная печать вновь заговорила о «несправедливости», совершенной по отношению к Италии на Парижской мирной конференции. В декабре 1939 г.—январе и феврале 1940 г. рупор министерства иностранных дел Италии—газета «Giornale d'Italia»—поместила ряд статей своего главного редактора Вирджинию Гайды. В этих статьях был предъявлен счет Англии и Франции по всем невыполненным обязательствам, которые союзники взяли на себя в тот момент, когда нужно было склонить Италию к военному выступлению на их стороне. Вот главные из них: Лондонский договор 1915 г. был секретным, между тем через несколько дней после его подписания союзники сообщили его содержание сербам и тем самым вызвали крупнейшие итало-югославские разногласия, которые сыграли свою роль во время Парижской мирной конференции. За спиной Италии в 1916 г.

было заключено англо-франко-русское соглашение о разделе малоазиатской Турции (о чем мы говорили выше), причем это соглашение абсолютно не считалось с итальянскими интересами. Кроме того, устами Гайды Италия выставила ряд своих претензий по поводу Версальского договора. Этих претензий было довольно много.

Парижская мирная конференция допустила ряд фактов, задевавших престиж Италии. Вопросы, которые интересовали Италию, были отложены на самый конец конференции, причем интересы Италии не были приняты во внимание. Львиную долю репараций захватили Франция и Великобритания. Доля Италии оказалась до смешного малой (10% репараций, в то время как Франция получила 52%, а Англия—22%). Такой же ничтожной оказалась доля Италии в распределении торгового флота, захваченного у Германии (Италия получила 20 маленьких пароходов, в то время как Великобритания получила 442). Далее. На основании Лондонского договора Италия имела право «на справедливую часть» в Малой Азии. Вместо этого ее доля добычи была отдана Греции. Обещанной части Далмации Италия тоже не получила. Наконец, что касается колоний, то ей уделили «одни только пески и пустыни» с ничтожным населением.

Таков был обвинительный акт, предъявленный Италией в 1940 г. по вопросу, который решался в 1919 г.

«Дипломатическая война» Альдрованди Марескотти рисует все перипетии этой исторической картины передела мира и «несправедливости», совершенной по отношению к Италии.

В статье V Лондонского договора говорится о том, что «Италии будет дана также провинция Далмация в ее нынешних административных границах и т. д.». Как известно, этот пункт Лондонского договора не был выполнен. Итальянской дипломатии не удалось настоять на выполнении этого обязательства союзниками. Следует отметить, что итальянская делегация боролась за свои требования в достаточной степени неумело. Столкнувшись с отказом союзников выполнить постановление статьи V Лондонского договора, итальянская делегация потребовала не только Далмацию, которая была ей обещана договором 26 апреля 1915 г., но и Фиуме, о котором в Лондонском договоре ни слова не было сказано. Борьба за Фиуме сделалась вопросом «национального престижа и национальной чести». Оба лидера итальянской делегации—премьер-министр Орландо и министр иностранных дел Соннино—непрерывно говорили о Фиуме, как о требовании, являющемся *sine qua non* для Италии и ее участия в подписании мирного договора. Патетика Орландо дошла в этом вопросе до крайних пределов. Как сообщает Альдрованди, на одном из заседаний Совета четырех во время прений о Фиуме Орландо разрыдался. Слезы итальянского премьер-министра, однако, не оказали никакого влияния на судьбу этого требования. Мало того, самой

постановкой вопроса о Фиуме итальянская дипломатия облегчила союзникам возможность невыполнения других требований Италии, хотя и покоившихся уже на точном тексте Лондонского договора. Как сообщает Альдрованди, Клемансо очень ловко играл на этой тактической слабости итальянской дипломатии. «Вы требуете выполнения Лондонского договора,—говорил он,—а сами выдвигаете претензии, о которых Лондонский договор ничего не знает. Я,—добавлял Клемансо,—стою на точке зрения необходимости выполнить Лондонский договор, но в таком случае я не могу отдать Фиуме вам». Когда же речь заходила об обязательствах того же договора в отношении Далмации, то Клемансо, не смущаясь, заявлял: «У меня имеются обязательства в отношении Италии—это Лондонский договор. Но Далмация населена не итальянцами, а славянами, и у меня имеются такие же обязательства в отношении славян,—обязательства, которые возникли после того, как был заключен Лондонский договор и которые не могли быть предусмотрены этим договором».

Выставляя эти аргументы и учитывая ту роль, которую итальянская дипломатия сама отводила Фиуме,—требованиям, заходящим за пределы лондонских обязательств,—Клемансо систематически принуждал Италию к отступлению в ряде других вопросов.

В результате борьбы за выполнение статьи V Лондонского договора и за получение Фиуме итальянская дипломатия не получила ни того, ни другого. Не помог и демонстративный отъезд итальянской делегации с конференции в апреле 1919 г. Этот отъезд привел лишь к тому, что, пользуясь отсутствием итальянской делегации, союзники нарушили не только Лондонский договор, но и постановление конференции в Сен-Жан-де-Мориен, касающееся итальянских притязаний на Смирну, решив передать ее грекам. Как только итальянская делегация покинула Париж, греческий премьер-министр Венизелос добился 6 мая 1919 г. согласия Ллойд Джорджа, Клемансо и Вильсона на оккупацию Смирны греческими войсками. Эта оккупация началась немедленно. Таким образом, и в этом вопросе итальянская дипломатия потерпела поражение. Ей пришлось спешно вернуться в Париж и по существу согласиться с теми условиями, которые были продиктованы ей союзниками по всем интересовавшим ее вопросам. Что же касается итало-греческих разногласий, итальянцы вынуждены были вступить в непосредственные переговоры с греками и добиваться от них некоторых компенсаций взамен Смирны.

Как рассказывает обо всех этих событиях Альдрованди? Он записывает в основном верно и точно дискуссию, происходившую в Совете четырех и об отдельных переговорах между союзниками. Правда, он не понимает (или по крайней мере не обнаруживает своего понимания) того, в чем была истинная причина неудач итальянской дипломатии на Парижской мирной конференции. Отмечая еще во время Петроградской конференции 1917 г.

неравноправное положение Италии среди союзников, рисуя во время конференций в Рапалло и Пескьере сцены унижения Италии (ультимативное требование Ллойд Джорджа о смене итальянского верховного командования и нежелание ни о чем разговаривать, пока это требование не будет удовлетворено), Альдрованди нигде на всем протяжении описания Парижской мирной конференции ни разу не останавливается на экономической слабости Италии, которая и была причиной неудач итальянской дипломатии. Правда, к этой слабости прибавилась еще неправильная тактика, но все же в основе лежало то обстоятельство, что в момент Парижской мирной конференции Италия, в сущности говоря, была разбитой в войне страной.

Соотношение сил на Парижской мирной конференции было не в пользу Италии.

Задачей итальянской дипломатии было при помощи искусного маневрирования, ряда обходных движений, проявления гибкости, умения во-время отказаться от сравнительно маловажных требований для того, чтобы сосредоточить огонь на основных, исправить это неблагоприятное соотношение сил. Как мы видели выше, итальянская дипломатия с этой задачей не справилась.

Книга Альдрованди Марескотти «Дипломатическая война» является ценным документальным материалом. Сравнение показаний итальянского участника Парижской мирной конференции с показаниями других ее участников позволяет советскому исследователю Версальского мира полнее и глубже изучить этот исторический договор, закончивший первую мировую войну и зафиксировавший разгром Германии.

Б. Штейн